

Томас Майн Рид Белая скво

OCR: Безгодое Максим
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122613

Аннотация

Романы Майн Рида полны романтических приключений, как и сама жизнь писателя. Занимательные сюжеты, яркие картины дикой природы, головокружительные путешествия в экзотические страны, борьба мужественных людей за свободу и справедливость, рыцарская любовь и рядом с ней злодейство – все это столь заманчиво, что читатель с головой погружается в многоликий мир, созданный писателем.

Содержание

Глава I. СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА	4
Глава II. ПОСЕЛОК	7
Глава III. ЭЛАЙАС РОДИ	9
Глава IV. КРИС КЭРРОЛ	12
Глава V. ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР	15
Глава VI. ХРОМОНОГИЙ	19
Глава VII. ДВА ВОЖДЯ	22
Глава VIII. САНСУТА	25
Глава IX. ИНДЕЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ	27
Глава X. ПОРУЧЕНИЕ, ВЫПОЛНЕННОЕ ПОСЫЛЬНЫМ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Майн Рид

Белая скво

Глава I. СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Последние золотые лучи заходящего солнца искрились в прозрачных водах залива Тампа. Розовый свет падал на берега, окаймленные рощами дубов и магнолий, чья вечнозеленая листва постепенно темнела с наступлением сумерек.

Глубокая тишина, нарушаемая только редкими криками древесных лягушек или хлопанием крыльев ночного ястреба, служила лишь прелюдией к удивительному концерту живой природы, который можно услышать только в тропическом лесу.

Еще несколько мгновений, и золотые полосы дрожащего света исчезли, и сцену покрыла почти осязаемая тьма.

И тут в полную силу зазвучали голоса ночного леса.

Пересмешник, козодой, выпь, лягушки-быки, цикады, волки, аллигаторы – все соединились в гармонии, свойственной этому часу ночи, вызывая шум, пугающий слух чужака.

Время от времени шум смолкал, наступали короткие промежутки тишины, которая делала возобновление концерта еще более поразительным.

Во время этих интервалов можно было расслышать крик, отличающийся от всех остальных. Это был голос человека!

И был тот, кто его услышал.

По лесу пробирался молодой человек в охотничьем костюме, в руках у него было ружье. Крик заставил его застыть на месте.

Пытаясь проникнуть взглядом сквозь тьму, молодой человек снова двинулся вперед, потом опять остановился и прислушался. Вновь послышался крик, в нем звучали нотки гнева, странно соединяясь с призывом о помощи.

На этот раз слушателю удалось определить направление.

Раздвигая высокий подлесок, топчя траву, он быстро вышел на узкую тропу, идущую параллельно берегу. Хотя было очень темно, охотник легко обходил препятствия, которые трудно было бы миновать даже при свете дня.

Казалось, темнота не замедляет его продвижения, не мешают ему ни свешивающиеся длинные ветви, ни вышедшие на поверхность узловатые корни.

Примерно через сто шагов тропа расширилась и вывела к поляне.

Здесь человек остановился и снова прислушался.

Но не услышал ничего, кроме знакомых звуков ночного леса.

После небольшого раздумья он двинулся по берегу, наклонив вперед голову, всматриваясь в ночь.

В этот момент показалась луна и бросила яркий свет на необычную картину.

У самого края воды лежал молодой индеец, лежал неподвижно, по всей видимости мертвый. Над ним склонился другой индеец. Он как будто осматривал тело.

Несколько секунд его поза не изменялась. Но вот он распрямился и взмахнул над головой томагавком, собираясь нанести удар.

Топорик опустился, но не на тело.

Громкий выстрел прогремел в воздухе, на мгновение заглушив все остальные звуки. Предполагаемый убийца упал.

Стрелявший подбежал к месту, где лежали оба индейца, и сразу узнал обоих. Тот, что лежал на земле до выстрела, был Нелати, сын Олуски, известного вождя семиолов. Второго, индейца из того же племени, но значительно более старшего, звали Красный Волк.

Молодой человек бросил взгляд на предполагаемого убийцу, убедился, что тот мертв, и склонился к Нелати. Прижав руку к его груди, он с тревогой всматривался в лицо сына вождя.

Неожиданно его пальцы ощутили слабые удары сердца. Нелати можно еще спасти. Молодой человек подбежал к реке, снял шляпу, наполнил ее водой и, вернувшись, обрызгал лицо юного индейца. Потом достал из сумки фляжку с коньяком и немного влил в рот лежавшему без сознания.

Так повторил он несколько раз, и наконец был вознагражден за свои труды. Тело юноши вздрогнуло, с глубоким вздохом Нелати открыл глаза и, увидев своего спасителя, негромко произнес:

– Уоррен?

– Да, Уоррен! Говори, Нелати, что все это значит?

Индеец сумел только с трудом произнести: «Красный Волк», при этом прижав руку к боку.

Жест помог понять, что он имеет в виду: Уоррен увидел на боку глубокую рану, из которой по-прежнему сочилась кровь.

Губы индейца дрогнули; Уоррен видел, что он пытается снова заговорить, но не может произнести ни звука. Глаза раненого закрылись. Он снова потерял сознание.

Уоррен быстро снял куртку, оторвал один рукав рубашки и принялся останавливать кровотечение.

Немного погодя, оно остановилось. Оторвав второй рукав, молодой человек перевязал рану.

Когда индеец очнулся, он благодарно посмотрел в лицо своему спасителю и пожал ему руку.

– Нелати обязан Уоррену жизнью. Однажды он докажет свою благодарность.

– Не думай сейчас об этом; скажи, что случилось. Я услышал крик и заторопился тебе на помощь.

– Кричал не Нелати, – с гордостью ответил индеец. – Нелати – сын вождя. Он знает, как умереть, не показывая себя женщиной. Кричал Красный Волк.

– Красный Волк!

– Да. Красный Волк трус – скво. Это он кричал.

– Больше он никогда не закричит. Смотри! – сказал Уоррен, указывая на лежащее рядом безжизненное тело.

Нелати его еще не видел. Потеряв сознание и не видя происходившего, он решил, что Красный Волк счел его мертвым и ушел.

Уоррен объяснил все. Молодой индеец с еще большей благодарностью посмотрел на своего спасителя.

Уоррен продолжал:

– Я вижу, у тебя была ссора с Красным Волком. Это он тебя ранил?

– Да, но сначала Нелати победил Красного Волка. Красный Волк лежал на земле и был в полной власти Нелати. Тогда Красный Волк, как трус, стал звать на помощь.

– А что потом?

– Нелати пожалел Красного Волка и позволил ему встать. Думал, что он вернется в деревню. Но Красный Волк побоялся, что Нелати расскажет о его поражении всему племени, и потому решил заставить Нелати навсегда замолчать. Красный Волк ударил сзади. Остальное Уоррен знает.

– А из-за чего ссора?

– Красный Волк дурно говорил о моей сестре Сансуге.

– О Сансуге! – воскликнул Уоррен, и какая-то странная улыбка появилась на его лице.

– Да, и о тебе.

– Грязный пес. Он заслужил смерть. И от меня! – добавил он, но негромко, чтобы Нелати не услышал, и пнул мертвеца.

Потом, повернувшись к индейцу, спросил:

– Идти сможешь, Нелати?

Коньяк к этому времени в какой-то степени восстановил силы индейца после потери крови.

– Нелати попробует, – ответил раненый юноша. – Час Нелати еще не настал. Он не должен умереть, пока не отплатил свой долг Уоррену.

– Тогда обопрись на меня. Мое каноэ поблизости, в нем ты сможешь отдохнуть.

Нелати кивнул в знак согласия.

Уоррен помог ему встать и, поддерживая, почти неся, довел до своего каноэ.

Осторожно усадил на борт, оттолкнул лодку от берега и направил ее к поселку белых.

Луна освещала перистую листву грациозной геомомы, бросавшей прерывистую тень на прозрачные воды.

Лесной концерт, прерванный звуком выстрела, возобновился, а лодка медленно уплыла в ночь.

Глава II. ПОСЕЛОК

Вид поселка, к которому направлялось каноэ, заслуживает описания.

Поселок располагался на северном берегу залива Тампа.

Расчищенная от леса почва оказалась плодородной, на ней в изобилии произрастали хлопок, индиго, сахарный тростник, дикие апельсины и другие культуры. Поселенцы также разводили скот.

Вокруг в лесах была отличная древесина; помимо других деревьев, здесь рос виргинский дуб.

С вершины холма на северо-западе открывался прекрасный вид.

Соседние земли полого опускались к берегу залива, соперничая друг с другом в ярких красках, создавая замечательный эффект игры света и тени.

Дальше раскинулись необозримые просторы. Поросшие травой болотистые равнины, саванны, леса и болота лежали на пространстве в пятьдесят, как казалось с холма, миль. В действительности видно было гораздо дальше. В этой прозрачной атмосфере все предметы казались ближе, чем были на самом деле.

Взгляд наблюдателя увидел бы на этой картине все прелести, какими только может располагать природа. Огромные деревья, увешанные паутиной и мхом, с похожими на яркие цветы насекомыми, возвышались по краям улыбающейся саванны, а роскошные зеленые луга тянулись до самого горизонта.

Через возделанные земли, пестрые, как краски на палитре художника, пробегал прозрачный ручей. От него отходили многочисленные ирригационные каналы на рисовые поля. Эти каналы, выглядели как серебряные нити, вплетенные в богатую ткань.

По берегам ручья росли апельсиновые рощи; многократно изгибаясь, поток протекал через поселок, затем бежал дальше. Местами он терялся из виду, но вскоре снова появлялся, поражая новой красотой. Тут и там он падал небольшими водопадами, разбрасывая в солнечном свете многоцветные радужные брызги.

В воде виднелись островки, поросшие тростником и камышами, рощицами папай и виргинских магнолий. Рядом с этими пришедшими издалека растениями виднелись высокие местные перистолистные пальмы. Около ручья водилась многочисленная дичь. Радостно хлопая крыльями, птицы поднимали фонтаны сверкающей пены. Тут и там вдоль берегов пролетали птахи с ярким оперением, оживляя рощи своими веселыми голосами.

Далеко за болотом лес создавал темный, мрачный фон; он по контрасту усиливал очарование местности. На полусгнившем стволе кипариса, четко выделяясь на фоне неба, стоял пеликан и, словно птичий демон, оглядывал окрестности. Молчаливые и внимательные журавли застыли, как часовые.

Если посмотреть в сторону моря, картина открывалась не менее прекрасная и привлекательная. Вода, волнуясь у прибрежных камней, отступала назад с пеной и брызгами. На горизонте висели белоснежные чайки; их крылья четко вырисовывались на фоне лазурного неба. А на самом берегу, отражаясь в высокой воде, рядами стояли голубые цапли, коричневые журавли и розовые фламинго.

Таковы были окрестности поселка на берегу залива Тампа.

Сам поселок располагался под холмом, который упоминался выше, и состоял из церкви, полудюжины магазинов и нескольких десятков прочных домов.

Примитивный причал и несколько стоявших возле него шхун олицетворяли связь с окружающим миром.

Было майское утро; во Флориде, как и повсюду, май – лучшее время года. В теплом воздухе гудение пчел и пение птиц смешивались с голосами девушек и мужчин, занятых работой на фермах и в полях. С отдаленных пастбищ доносилось мычание скота.

Но один наблюдатель, глядя на эту жизнерадостную картину, как будто не испытывал радости. На вершине холма стоял человек, худой, высокий, со строгим аскетическим лицом. Все его черты, глубокие морщины вокруг рта говорили о том, что это человек необычный. Ему казалось около шестидесяти. Его острый, пронизательный взгляд бродил по полям. В глазах светилась холодная решимость, свидетельствующая о том, что мысли у человека отнюдь не приятные. В его взгляде сквозила алчность.

За человеком, на плоской вершине холма, стояли вкопанные в землю кольца. Вокруг них трава была вытоптана, виднелись следы костров, во многих направлениях уходили тропы, свидетельствуя, что совсем недавно это место было обитаемым. Все эти признаки невозможно было не узнать: они говорили об индейском поселении.

Элайас Роди со странным выражением посмотрел на холм. Лицо его еще больше заострилось, на него словно упала тень.

– Если бы не краснокожие, – прошептал он, – мои желания осуществились бы, мои стремления исполнились...

Каковы были его желания, каковы стремления?

Задайте такой вопрос алчному человеку, и, если он ответит искренне, вы услышите рассказ об эгоистических целеустремлениях. Такой человек завидует беспечности юности, завидует мудрости старости, завидует добродетели – ее удовлетворенности, завидует любви – ее радостям, даже небу он завидует. Но в то же время в своей эгоистичной ограниченности считает, что требует только того, что принадлежит ему по праву.

Элайас Роди был именно таким алчным и эгоистичным человеком.

Он заговорил снова, хотя слова его услышал только ветер:

– Почему краснокожие должны обладать тем, к чему я так страстно стремлюсь? Они пользуются этим только временно. Я был бы с ними честен и щедр. Но они кутаются в свое упрямство и презрительно отвергают мои предложения...

Какими эгоистами кажутся все окружающие эгоистичному человеку!

– Почему они упорствуют? Ведь для них это всего лишь каприз, а за него можно заплатить золотом. Попытаюсь снова поговорить с Олуски, и если он опять откажет...

Здесь говорящий замолчал. Даже для самого себя он не хотел облекать в слова то, что намерен был сделать в случае отказа. Мысли бывают настолько неприятными и мрачными, что их нельзя высказывать.

Некоторое время Роди стоял в задумчивости, разглядывая отдаленные земли. Потом опять взглянул на поселок, и губы его скривились в улыбке.

– Ну, всему свое время, – сказал он, словно завершая разговор с самим собой. – Испробую еще раз золотую наживку. Буду осторожен. Но чего бы это мне ни стоило, я построю здесь свой дом.

Такое естественное заключение показалось его эгоистичному разуму вполне удовлетворительным. И как будто успокоило его; пружинистой, легкой походкой начал он спускаться с холма – скорее как юноша, чем мужчина, над головой которого пролетело шестьдесят лет.

Глава III. ЭЛАЙАС РОДИ

Пока Элайас Роди обдумывает свои планы, расскажем о нем читателю.

Уроженец Джорджии, он начал жизнь без какой-то определенной идеи. Отец его, богатый купец из Саванны, ничему его не учил; и Элайас, пока не достиг возраста мужчины, пользовался своим положением.

Подобно большинству отпрысков богатых южан, он не понимал смысла и достоинства труда; и соответственно пробездельничал все молодые годы, тратил время и наследство, не сознавая, что лень и бездеятельность – это страшные проклятия.

После смерти отца, которая случилась, когда Элайасу исполнилось двадцать лет, все состояние достойного купца перешло к его сыну.

Лентяй неожиданно оказался обладателем крупной суммы и решил, что с ней нужно что-то сделать.

В соответствии с таким решением он начал тратить деньги. Тратил безрассудно, свободно и быстро. Потом он понял: то, что он делал, делать не следовало.

И вот тогда он преобразился.

То есть из либерально настроенного свободомыслящего, беззаботного парня превратился в циничного, осторожного человека.

В его случае обычный порядок вещей сменился обратным. Бабочка превратилась в куколку.

С остатками отцовского состояния и небольшим наследством от дальнего родственника, Элайас стал человеком мира, вернее, мирским человеком.

Другими словами, он начал жизнь во второй раз и на столь же неверной основе.

Перед глазами у него были две разновидности людей из его сословия: беззаботные люди с большим сердцем и осторожные люди совсем без сердца. Так было организовано общество.

О людях первой разновидности он знал по собственному опыту, о вторых – не знал ничего. К этим вторым он и решил примкнуть.

Бесполезно размышлять, почему он принял такое решение. Может, никогда не годился для общества людей с большим сердцем и первое время относил себя к нему потому, что сам не понимал себя.

Но одно несомненно: очень скоро он стал образцовым представителем бессердечных. Никто не мог извлекать большую выгоду, лучше использовать преимущества (для себя) или осуществлять собственные планы для этого, чем Элайас Роди.

Он научился также приобретать и усиливать влияние на окружающих, понял, как их контролировать. Его мечтой стала власть. Ему хотелось править людьми.

Странно, но это желание оказалось фатальным для его планов. Мы говорим «странно», потому что обычно честолюбие прокладывает себе дорогу и само создает себе будущее.

Однако Роди начал активную карьеру в слишком позднем возрасте, чтобы достичь заметного влияния в политике, этой обширной арене для достижения отличий.

Поэтому он искал другое поле для приложения своего честолюбия и нашел его.

В это время в Джорджии множество плантаторов, не имея средств для покупки дополнительной земли, обнаружили, что беднеют с каждым днем, потому что их истощенная земля становилась все менее пригодной для обработки. Среди них оказалось особенно много недвольных и готовых рискнуть.

Были также люди с беспокойным характером, которые легко соглашались на любые авантюры.

Роди, умный и умеющий внушить доверие, увидел в таких людях инструмент для достижения своих целей. А цели у него уже были обдуманы и планы созрели.

– Если я не могу достичь своего здесь, – сказал он самому себе, – возможно, у меня получится в другом месте, если только удастся убедить других, заставить мне поверить. Вот люди, готовые мне служить. Я возьму их с собой; они станут моими последователями. Служа мне, добиваясь моих целей, они в то же время будут смотреть на меня как на благодетеля.

Роди уже стал законченным эгоистом. И как только идея укрепилась в его сознании, остальное проделать оказалось легко. Он говорил с людьми об их нынешнем положении, рисовал яркие картины того, что можно достигнуть в новых землях, красноречиво рассказывал, как они будут счастливы и богаты, если его план удастся. Наконец собрал большое количество семей и вместе с ними поселился в том районе Флориды, который мы уже описали.

Причина, по которой Роди выбрал именно это место, служит еще одним доказательством его глубокого эгоизма.

В свои безрассудные, щедрые дни он как-то был в Коламбусе и смог спасти от оскорблений и преследований вождя семинолов, который в то время посетил столицу штата по какому-то делу к администрации. Этот акт великодушия был совершен импульсивно, но индеец посчитал, что он теперь в долгу. И в своей благодарности вождь подписал в пользу Роди определенные документы, по которым ему передавалась часть земель племени на берегу залива Тампа.

Индийского вождя звали Олуски.

На этой земле и был основан поселок, о котором мы говорили.

В то время Роди не придавал особого значения благодарности Олуски, сунул документы в ящик стола и забыл о них. Но потом, когда он достиг мирской мудрости, Роди извлек документы с символической подписью семинола и посмотрел на них по-новому. Он понял, что они представляют ценность.

Соответственно Элайас Роди решил ими воспользоваться. И кончилось это тем, что он с группой последователей отправился на юг и основал колонию на берегу залива Тампа.

План, созданный из чистого эгоизма, привел к успеху. Земли оказались плодородными, климат целебным, и колония процветала.

Плохой человек тоже может иногда совершить добро, хотя и не думает о нем.

Роди получил даже больше похвал и влияния, чем ожидал; будучи умным и проницательным человеком, он отчасти достиг того, к чему стремился. Он стал самым важным и значительным жителем колонии.

Хотя некоторые поселенцы не одобряли его поступков и принимаемых им мер, их протест был пассивным и проявлялся только в закулисных разговорах и сплетнях. Никто не решался оспаривать его прерогативы, хотя Роди часто заносился и разговаривал с другими высокомерным, оскорбительным тоном.

Но чего же тогда еще не хватало Элайасу Роди?

Алчному человеку всего мало. Олуски сделал благородный и щедрый дар. Подарил большое пространство плодородных земель, с реками и ручьями, с удобной для торговли гаванью. Это была лучшая часть его владений. Вождь, делая такой дар, поступил как великодушный человек по отношению к другу. Он отдал лучшее из того, чем владел.

К несчастью, в это лучшее не входил холм, и поэтому Роди чувствовал себя неудовлетворенным.

Не раз бросал он жадный взгляд на это место, представляя себе, как будет выглядеть на этой возвышенности его дом.

Увеличивалось его состояние, менялись вкусы, и постепенно новый большой дом стал главным желанием его жизни.

Дом должен быть построен на холме.

Много раз делал Роди предложения Олуски, просил отдать холм, но вождь всякий раз категорично отказывал. У него тоже было свое честолюбие – не такое эгоистичное, как у белого человека, но не менее дорогое.

Большую часть года Олуски со своим племенем жил в отдаленном индейском поселении и навещал залив Тампа только на три месяца – и только ради отдыха и удовольствий. Вигвамы его племени воздвигались на холме временно. Однако индейцы были привязаны к этому месту, короче – они его любили.

Была и другая причина, казавшаяся Элайасу Роди столь же незначительной. За ежегодным поселением находилось индейское кладбище. Там покоились останки предков Олуски. Разве удивительно, что это место было так дорого индейцам?

Так дорого, что на любое предложение Роди о продаже холма Олуски только качал головой и отвечал: «Нет».

Элайас Роди считал это капризом!

Глава IV. КРИС КЭРРОЛ

Нелати оправлялся от раны.

Уоррен отвел его в хижину, временное жилище человека по имени Крис Кэррол.

Это был лесной охотник, внешне грубоватый, но по характеру мягкий, как ребенок. Он отвергал формальности и ограничения цивилизации. Даже новое поселение угнетало его, и это угнетение он не мог выдержать. Только необходимость продавать шкуры и восполнять припасы приводила его в такое место, где можно было встретить других людей.

Для Криса Кэррола настоящим домом служили дремучий лес, пустынная саванна или бездорожные трясины, и он горько сожалел о том, что несколько дней ежегодно приходилось ему проводить среди тех, для кого удовольствие – чужое общество.

И он всегда радостно встречал день, когда мог взять ружье, повесить на плечо сумку для добычи и снова начать свои одинокие странствия.

Когда Уоррен привел в его лачугу раненого индейца, старый охотник принял на себя ответственность и с готовностью занялся лечением.

Нелати был ему знаком, и Крис Кэррол всегда старался быть другом краснокожих.

– Ну, конечно, – сказал он в ответ на объяснения Уоррена, – я понимаю, что ты не можешь отвести краснокожего в дом губернатора. Старый папочка не скажет «нет», но выглядеть будет очень недовольным. На этот раз ты не допустил ошибки, Уоррен; и больше я ничего не скажу. Оставь парня мне. У него здоровый организм, и через день-другой ему станет лучше. Он ведь живет правильной жизнью, не то что люди, которые болеют, потому что спят на мягких постелях, сидят у теплых печек, как будто им недостаточно постели из сухих листьев и костра.

Целебное искусство Кэррола походило на чудо. Он составлял и применял лекарства по неписаным рецептам и использовал при этом самые необычные материалы. И не только травы и корни, но также различную почву и глину.

Несколько дней такого лесного врачевания произвели чудесную перемену в состоянии Нелати; и к концу первой недели он мог уже сидеть у задней двери хижины охотника и греться на солнце.

Кэррол, охваченный более сильной лихорадкой, чем его пациент, – лихорадкой нетерпения, – радовался этому.

Утолив жажду индейца, он готов был уже начать одну из своих одиноких экспедиций, когда увидел, что к его хижине приближается человек.

Думая, что это Уоррен Роди, он крикнул, что Нелати «в порядке». И несколько удивился, поняв, что пришел не Уоррен, а его отец.

– Доброе утро, сосед, – сказал Элайас.

– Доброе утро, губернатор.

– Как ваш индейский пациент? – спросил тот, кого Кэррол назвал «губернатором». – Надеюсь, он поправляется?

– О, он готов к новой драке. Рана была не очень тяжелая.

– Правда? – ответил Элайас. – А Уоррен говорил мне, что она серьезная.

– Может, ваш сын не привык к таким зрелищам. К этому нужно приглядеться. Хотите взглянуть на индейца? Он сзади.

– Нет, спасибо, Кэррол. Я пришел не к нему, а к вам. Вы заняты?

– Ну, не то чтобы очень занят. Могу поговорить с вами, губернатор. Я собирался снова в путь.

Говоря это, Кэррол предложил «губернатору» табуретку, поскольку его хижина не могла похвастать стульями или креслами.

– Значит, завтра хотите уходить?

– Да. Не могу бездельничать здесь больше, чем необходимо. Это мне не по душе. Мне подавай леса и саванны.

И при одной мысли о возвращении туда охотник облизал губы.

– Когда вы в последний раз видели Олуски? – неожиданно спросил Элайас.

– Дайте подумать. Это было на болоте Черных Кипарисов, вблизи его поселка – милях в пятидесяти отсюда по полету птицы. Дней двадцать назад, если память мне не изменяет, губернатор. Сразу после этого я подстрелил самого жирного оленя в этом году. Племя Олуски было тогда очень возбуждено.

– Почему?

– Ну, брат Олуски, вождь другого племени, незадолго до этого умер, и вождем стал его сын Вакура. Олуски очень расположен к своему племяннику, и тот как раз гостил у него, когда я там был. Думаю, скоро они будут здесь. Им пора уже появиться на берегу Тампа.

– А самого Вакуру, или как вы его назвали, не видели?

– Видел, губернатор, – ответил Кэррол, – это настоящий индеец. Высокий и прямой, как одна из его стрел, а горд, как индюк. Несомненно, считает себя гораздо лучше любого белого человека.

Говоря так, охотник достал ружье, собираясь его чистить.

Элайас некоторое время сидел молча, а Крис занимался ружьем.

Немного погодя, он спросил:

– Это все, что вы хотели сказать, губернатор, или пришли сюда просто немного поболтать?

«Губернатор», как его титуловал Кэррол, вздрогнул, услышав этот неожиданный вопрос.

– Нет, Кэррол, не все. Я вот что хотел вам сказать: вы ведь дружите с краснокожими, верно?

– Да, сэр, пока они себя хорошо ведут, я их друг, – сразу ответил Крис.

– И высоко их цените?

– Ну... да. Думаю, в этом нет никаких сомнений, и не о чем тут говорить. Пытаюсь поступать с ними по справедливости. Могу так сказать. Я в этом уверен.

– Я тоже их друг, – произнес Роди.

«Ну, вот в этом-то я не так уверен», – подумал Кэррол, но вслух ничего не сказал.

– И, будучи их другом, хочу обойтись с ними по справедливости, – продолжал Роди. – Но у них какая-то дурацкая гордость, и это делает общение с ними трудным, особенно в некоторых вопросах. Вы понимаете, о чем я?

– Да, понимаю, – небрежно, растягивая гласные, ответил охотник.

– Ну, так вот, у меня есть дело к Олуски. И я решил, что его друг может с этим делом справиться лучше меня.

«Губернатор» помолчал, давая возможность Кэрролу ответить.

Но охотник молчал и, казалось, был полностью занят состоянием своего ружья.

– Послушайте, Кэррол, – продолжал Элайас, – я подумал, что вы могли бы сыграть роль их друга в таких переговорах. Понимаете меня?

– Нет, не совсем, – со странной улыбкой на лице и с огоньком в глазах ответил Крис. – Но послушайте, губернатор, хватит ходить вокруг да около. Скажите, чего вы хотите, и я вам сразу скажу, согласен я сделать это или нет.

– Ну, хорошо, Кэррол.

«Губернатор» пододвинул ближе к Кэрролу свою табуретку, как будто собирался поделиться с ним тайной. Но проделал это в самой дружеской манере.

Охотник сохранял настороженность, как будто подозревал, что его собираются подкупить. Он не тревожился. Крис знал про себя, что он неподкупен.

Глава V. ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

– Ну, мистер Кэррол, – объявил «губернатор» после паузы, – вы знаете, что наш поселок процветает, и, как вы можете себе представить, я тоже заработал немало денег.

– Да, это я знаю, – последовал краткий ответ.

– И теперь, разбогатев, я считаю, что имею право исполнить некоторые свои желания. Например, мне нужен дом получше.

– Правда? – спросил Крис.

– Да. Мой дом нуждается в ремонте, и мне будет стоить ненамного дороже построить новый.

– Правда?

Кэррол был неразговорчив. «Губернатору» придется с этим смириться, если он хочет получить от него помощь.

– Я принял решение строить, и мне нужно хорошее место. Теперь вы понимаете, к чему я клоню?

– Нет, не могу сказать, что понимаю.

– Ну, Крис, вы сегодня недогадливы. Я сказал, что мне для нового дома нужно хорошее место.

– Ну, так у вас есть сотни акров. Можете построить такой дом, какого еще никто не строил.

– Это верно, но на моей земле нет места, которое мне нравилось бы. Это кажется вам странным?

– Ну, может, мне это странно, но не вам, губернатор.

– Но такая земля есть, Крис, – продолжал Элайас. – Есть участок, который мне чрезвычайно нравится. Хуже всего то, что он не мой.

– Почему бы вам его не купить?

– Именно это я и хочу сделать! Но владелец не продает.

– Может, вы недостаточно предлагаете?

– Нет, причина не в этом.

– В чем же тогда?

– Вы знаете вершину холма? – неожиданно спросил Элайас.

– Что? Там, где индейцы разбивают лагерь?

– Да. Вот там я хочу построить дом. Олуски не желает продавать мне эту землю. Почему – не знаю.

В деловых вопросах «губернатор» не всегда придерживался истины.

– Ну, а я какое к этому имею отношение? – спросил охотник.

– Я подумал, что если вы увидите с Олуски, может, уговорите его уступить мне землю. Я принял решение, и мне все равно, даже если дело обойдется в круглую сумму. Я и вам заплачу, если вы мне поможете.

Элайас Роди всех оценивал по-своему, и для всего у него была цена.

Но в данном случае он ошибался.

– Не пойдет, губернатор, не пойдет! – сказал Кэррол, качая головой. – Теперь я ясно понимаю, что вам нужно. Но не могу вам помочь. Если вам нужна земля, а Олуски не отдает ее, значит, у индейца есть свои причины, и не мне уговаривать его. К тому же, – добавил он, – мне это дело не нравится. Не хочу вас обидеть, но должен сказать «нет». И сказать раз и навсегда. Это все, о чем вы хотели поговорить со мной?

«Губернатор» раздраженно прикусил губу, но, обладая удивительным самообладанием, он просто перевел разговор на другую тему. Он сделал вид, что его интересует дружба сына с Нелати.

– Ну, сэр, ничего особенного. Ваш сын попросил присмотреть за индейцем и позаботиться о его ранах. Я сделал это по первому классу, и, как уже говорил вам, с ним теперь все в порядке. Ваш сын ежедневно заходит к моему пациенту. Он как будто очень хочет узнать, почему индеец оказался здесь один и где молодая девушка, его сестра.

– Ага, значит он о ней спрашивал? – воскликнул Роди, вскакивая и начиная расхаживать по хижине. Он был рад дать выход гневу.

Охотник протяжно свистнул.

Неожиданно прервав нетерпеливое расхаживание, «губернатор» снова повернулся к нему и переспросил:

– Значит, он о ней расспрашивал?

Элайас Роди явно рассердился и не боялся показать это. Но Кэррол был не из тех, кто на это реагирует.

– Да, – последовал его холодный ответ, – но не понимаю, какое я имею к этому отношение. Могу только сказать и ему и вам, что у краснокожих есть свои чувства и свои права. Да, и с ними нужно считаться так же, как с чувствами и правами бледнолицых.

– А почему вы говорите это мне, сэр? – спросил «губернатор».

– Потому что не боюсь сказать вам в лицо то, что говорю за спиной. Вашему парню нужно побыстрее перестать думать об этой девушке Сансута, а вам стоит позаботиться об этом, пока ничего не случилось.

Очень откровенный человек Крис Кэррол, и Элайас Роди уже пожалел, что заглянул к нему.

Прежде чем он пришел в себя от удивления, Кэррол продолжал:

– Незачем приукрашивать положение, губернатор. В прошлом году, когда Олуски был здесь, ваш сын вечно бродил вокруг индейского поселка и в роще, куда ходили их девушки. Он всегда разговаривал с дочерью вождя и делал ей подарки. Я знаю, что это неправильно.

– Но это совершенно естественно, – ответил «губернатор», справившись с раздражением и говоря совершенно спокойно, – ведь Нелати, Сансута и мой сын выросли вместе.

– Возможно, но сейчас все изменилось. Уоррен и Сансута превратились в мужчину и женщину, вы знаете это так же хорошо, как я, губернатор. А что касается Нелати, то он ничего особенного не представляет, и я часто думаю, сын ли он Олуски.

Справедливость первой части замечания Кэррола понравилась «губернатору» не больше его предыдущих слов, и, удивленный откровенностью охотника, он молчал, не находя ответа.

А Крис явно намеревался высказаться до конца.

– Губернатор, мне многое хотелось сказать вам в удобное время. Я думаю, что такое время настало. Я не принадлежу к вашей колонии. Бываю здесь только время от времени. Но я вижу и слышу такое, о чем другие не решаются вам сказать. Не понимаю, почему: ведь вы в конце концов только человек, хотя люди и считают, что вы возглавляете колонию. Насколько мне известно, все ваши люди поселились на землях, которые когда-то принадлежали индейцам. И мне кажется, что законы, применимые к белым людям, применимы и к краснокожим. Но на самом деле, губернатор, это не так. Если такие законы есть, они не выполняются. И там, где белый может получить преимущество за счет индейца, закон понимается так, как выгодно белому. Я знаю, вы считаете это естественным, потому что вы думаете так же. Но я вам скажу, мистер Роди... – голос Кэррола теперь звучал взволнованно, – скажу, что это не естественно и неправильно, и этому нужно положить конец. И говорю это вам, потому

что у вас мозгов и денег побольше, чем у остальных, и вы должны иметь ответ. Таково мое мнение, и мне все равно, нравится оно вам или нет.

– Что ж, мистер Кэррол, – ответил Роди, холодно подчеркивая слово «мистер», – я рад, что вы высказали свое мнение. Оно, несомненно, очень ценно.

– Не знаю, ценно оно или нет, но знаю, что оно честное, – сказал Крис со спокойным достоинством, которое, вопреки его грубой одежде, свидетельствовало, что он джентльмен. – Не собираюсь давать вам советы, губернатор. Я только посчитал это своим долгом, а я стараюсь выполнять свой долг. И то же самое я думаю о том, что ваш сын Уоррен бегаёт за индейской девушкой. Ничего хорошего из этого не получится.

«Губернатор» собирался ответить, но ему помешало появление самого Уоррена Роди.

При свете дня молодой человек представлял собой странный контраст с отцом. Небольшого роста, с женственной внешностью, с беспокойным, бегающим взглядом, с нерешительным ртом, он не был похож на сына жесткого, решительного человека.

Одет он был аккуратно, почти щегольски, и выражение лица у него было самодовольное и неприятное. Казалось, он скорее будет идти по жизни с вкрадчивостью и гибкостью, чем с уверенностью и гордостью. Как ночью по-кошачьи он двигался в темном лесу, избегая все препятствия, так и сейчас вошел в хижину охотника.

И Крис, и «губернатор», оба по каким-то неуловимым признакам поняли, что Уоррен подслушивал.

Однако, если это и так, молодой человек ничем себя не выдал. Стоял, улыбаясь и похлопывая себя по сапогу хлыстом для верховой езды.

– Отец, ты здесь? Пришел повидаться с раненым или попрощаться с охотником?

Отец ничего ему не ответил. Повернувшись к Кэрролу, он сказал:

– Поговорим об этом деле в другой раз, но я все равно благодарен вам за добрый совет. Сказано это было очень вежливо.

Поворачиваясь к выходу, он обратился к сыну:

– Приходи домой пораньше, Уоррен. Мне нужно с тобой поговорить.

Уоррен кивнул, и отец его вышел, очень недовольный разговором с Крисом.

Ничто так не смущает коварного и скрытного человека, как откровенность.

«Губернатор» вышел, а Кэррол принялся что-то напевать. Новый его посетитель немного подождал, потом заговорил.

– Как Нелати? – спросил он. – Будет ли он достаточно силен, чтобы уйти завтра?

– Не совсем, – ответил Кэррол, прерывая свою песенку. – Ему лучше оставаться здесь и подождать прихода племени. Оно скоро появится. К этому времени он совсем поправится.

– Что рассердило моего отца, Крис?

– Не знаю, но, кажется, кто-то с ним не соглашается. Он действительно сильно рассердился.

– Но, Крис, вы на самом деле уходите завтра?

– С рассветом, – ответил Крис.

– А куда?

Крис искоса посмотрел на спрашивающего, прежде чем ответить.

– Не знаю еще, пойду ли вдоль залива или к большим болотам. Возле поселка теперь олени встречаются редко, и мне приходится далеко ходить, чтобы найти их. Все это из-за чертовой цивилизации!

– Если пойдете к болотам, можете оказать мне услугу, – сказал Уоррен.

– Правда? – И после недолгого размышления охотник продолжал: – Ну, видишь ли, Уоррен, все-таки я не пойду к болотам. Я принял теперь решение и пойду вдоль залива.

Уоррен ответил:

– Ну, хорошо. Неважно...

И, ничего больше не объясняя, расстался с Крисом и отправился к Нелати.

Как только он вышел, поведение Кэррола изменилось. Актер-комик с удовольствием включил бы его ужимки в свой репертуар. Охотник рассмеялся, подмигнул, покачал головой, потер руки и, казалось, весь дрожал от внутреннего смеха.

– Никогда не встречал таких изворотливых и хитрых типов! Будь я проклят, если молодой уступает старику. Иду ли я к болоту? Не могу ли оказать ему услугу? Нет, мистер Уоррен, ни вашим кошачьим лапкам, ни цепким когтям вашего отца не поймать эту мышь! Не собираюсь участвовать в ваших делишках, не хочу вообще о них знать. И Нелати не будет, если я только смогу этому помешать. Не позволю ему пошевелиться, пока не придет племя. Может, это спасет его от неприятностей. Он, конечно, ничего особенного, но неплохой краснокожий. Настоящее дитя природы, вот кто он такой. Нет, мистер Уоррен, грязную работу делай сам, и твой отец то же самое. Крис Кэррол никому из вас помогать не собирается. Если молодой сделал вид, что ничего не слышал, хотя все слышал, а отцу все равно, что я ему сказал, – ничего хорошего из этого не выйдет, или мне никогда больше не прицелиться в оленя.

Глава VI. ХРОМОНОГИЙ

Как и старик, молодой Роди вышел из хижины Кэррола в дурном настроении. Короткий разговор с Нелати принес ему не больше удовлетворения, чем беседа с охотником.

Неприятно встречать презрительное отношение к твоим способностям. Ничто не заглаживает плохого мнения о твоих способностях, особенно если, эти способности направлены на дурное.

Не анализируя свои чувства, Уоррен Роди тем не менее понимал, что потерпел поражение, а поражение всегда казалось ему нестерпимым.

В этом отношении сын повторял характер отца.

Он был не менее эгоистичен, чем старый Роди, но не обладал его опытом, позволяющим скрывать эгоизм. В этом отец намного превосходил его.

Откровенные слова Кэррола и то, что он подслушал у хижины, вызвали у Уоррена раздражение, а пророческий тон охотника никак не смягчал это чувство. Дело в том, что догадка старого охотника была очень близка к истине.

Уоррен страстно домогался Сансуты, дочери Олуски.

Это была не мужская страсть, не любовь, а тайное стремление игрока к обладанию без труда.

Красота девушки очаровала Уоррена. Будь его душа чиста, это очарование принесло бы с собой и собственное лекарство. Из симпатии выросла бы чистая любовь.

Но молодой человек не был способен на такое чувство, и выросли только сорняки.

До сих пор различие в расе защищало от вреда объект его восхищения. Уоррен стыдился ухаживать за девушкой честно и открыто.

Поэтому он решил сделать вид, что подружился с ее братом, и использовать эту дружбу как прикрытые своего предательства.

В происшествии, с которого начался наш рассказ, он нашел средство для удовлетворения своих интересов, решил привязать к себе Нелати и подчинить его своей воле.

Как мы говорили, Красный Волк, покушавшийся на жизнь Нелати, пал от пули Уоррена.

Когда Уоррен положил палец на курок и приготовился послать свою жертву в долгий путь, в голове его мгновенно сложился план, который сделал его особенно метким.

Попробуем объяснить.

Нелати сказал, что Красный Волк говорил плохие слова о Сансуге и Уоррене. Само соединение этих имен подкрепляло клевету.

Нелати сказал правду, но он кое-чего не знал: несчастный, который заплатил жизнью за свои слова, был всего лишь игрушкой в руках друга Нелати Уоррена Роди.

Ленивый пьяница и бездельник, Красный Волк стал орудием Роди и служил посыльным между ним и индейской девушкой. И за эту службу получал награду золотыми монетами.

Но старинная история о злом хозяине, которого перестал удовлетворять злой слуга, на этот раз снова повторилась.

Уоррен опасался, что в пьяном виде Красный Волк проболтается и выдаст доверенную ему тайну.

И оказался прав: пытаясь предупредить Нелати об опасности, угрожающей его сестре, Красный Волк использовал при этом грязные слова.

Злословия о друге Нелати, он одновременно бросил тень на его сестру.

Исход уже известен.

Злобными были мысли Уоррена, когда он стоял с ружьем в руке, наблюдая за двумя индейцами.

Если Красного Волка (он его сразу узнал) убрать в момент, когда тот пытается убить Нелати, опасный язык замолчит навсегда; зато крепче будет дружба Нелати, и Сансута со временем станет его, Уоррена, добычей.

Решение было принято: пуля пробила голову Красного Волка, и Уоррен Роди сам осуществил часть своего пророчества.

И вот, достигнув такого успеха, он был в ярости, что проницательный охотник проник в его планы и, как будто ничего не делая для этого, наложил ограничения на чувство благодарности, которое испытывает Нелати к Уоррену.

Все это сделал Крис Кэррол, и потому Уоррен Роди рассердился на него.

Он вышел из хижины, поклявшись отомстить Кэрролу и обдумывая средства для достижения этой цели.

Ему не пришлось долго ждать и далеко искать.

В конце проселочной тропы, на которой стояла хижина лесника, он встретил самое подходящее для своих целей орудие.

Это был сидящий верхом на высокой изгороди негр, с кожей, черной, как Эреб¹.

Выглядел он настолько необычно, что приковывал к себе внимание.

Голова, покрытая обрывком старого войлока, который негр называл шляпой, была несоразмерно велика и покрыта густыми курчавыми волосами. Но волосы не скрывали обезьянью форму черепа, очень напоминавшего череп шимпанзе. Глаза, бегающие и блестящие, с яркими белками, казались неестественно большими и злобно выразительными; они сидели над типично африканскими носом и ртом.

Руки у негра были нелепо длинными и, казалось, должны были компенсировать недостаток длины короткого и уродливого корпуса.

Одежда его представляла собой груды рваных тряпок, которые держались вместе каким-то чудом.

Негр насвистывал что-то лишенное всякой мелодии и бил изгородь пятками, словно одержимый.

Когда подошел Уоррен Роди, негр прекратил свистеть, проворно спрыгнул со своего насеста и в виде приветствия взмахнул своей потрепанной шляпой.

При виде молодого Роди огромный рот уродливого создания раскрылся от уха до уха, зловеще сверкнул двойной ряд зубов.

– Ха! ха! Ху! ху! Боже, благослови меня, если это не сам масса Уоррен! Масса, старик рад вас видеть, очень рад!

Таково было его приветствие.

Молодой человек остановился и с улыбкой смотрел на негра.

– Ну, Хромоногий, старый дьявол, чего ты от меня хочешь?

– Ха! ха! хо! хо! Благослови его, какой храбрый и красивый молодой джентльмен – как картинка! «Чего хочет старый дьявол?» Он многого хочет, масса, многого!

– Ты опять без работы?

– Ха! ха! Никакой работы, масса, уже целых две недели, клянусь честным словом старого негра! Ничего нет, масса. Никому не нужен бедный Хромоногий, никому не нужен.

И, словно подтверждая свое последнее заявление, несчастный урод высоко подпрыгнул и снова уселся на изгородь. Молодой Роди весело рассмеялся, сильно хлестнул бичом негра по спине, бросил ему серебряную монету и пошел дальше.

---

¹ Эреб – в Древней Греции так назывались подземная тьма и подземное царство.

Хромоногий спрыгнул, нагнулся, чтобы поднять монету, и с удивлением обнаружил, что молодой человек, пройдя несколько шагов, остановился словно в нерешительности.

Немного погодя Уоррен повернулся и пошел назад.

– Кстати, Хромоногий, – сказал он, – приходи к нашему дому: сестра кое-что тебе даст.

– Ха! ха! хи! хи! Мисс Элис, благослови ее, она может дать. Приду, сэр. Старый негр всегда рад услужить мисс Элис.

– А когда придешь, – продолжал Хромоногий, – спроси меня. Я тоже кое-что найду, чтобы немного помочь тебе.

Не задерживаясь, чтобы выслушать многословные выражения благодарности, полившиеся из уст Хромоногого, Уоррен пошел дальше и скоро скрылся из виду.

Как только он исчез, чернокожий еще раз подскочил и направился в сторону, противоположную той, куда пошел сын «губернатора».

По пути он бормотал:

– Чего ему нужно, этому парню? Кажется, это хорошо для старого негра; и кто знает, может, закончится ожидание старого негра и он расплатится за то, что с ним сделали. Хе! хе! Вот тогда он посмеется, хе! хе! хе!

Глава VII. ДВА ВОЖДЯ

Место действия нашего рассказа переносится на пятьдесят миль от залива Тампа на край травянистой болотистой равнины.

Время – полдень.

Участники – два индейца.

Один – старик, другой – в расцвете сил.

Первый – седовласый, морщинистый, со следами бурной и трудно проведенной жизни.

Он представляет собой поразительное и красочное зрелище, стоя в тени высокой пальмы.

Одежда у него наполовину индейская, наполовину охотничья. Кожаная куртка, брюки и мокасины, обшитые бусами. Пояс вампум, надетый через плечо. На спине висит алое одеяло, его складки скрывают фигуру, которая в молодости должна была быть великолепной. Она по-прежнему хороша, и широкая грудь и мощные мышцы свидетельствуют о почти прежней силе. На голове у него повязана лента, украшенная бусами, и в нее воткнуты три орлиных пера.

Лицо старика полно достоинства и спокойной решимости.

Это Олуски, вождь семинолов.

Собеседник его не менее интересен.

Он лежит, вытянувшись на земле, опираясь на локоть, повернувшись лицом к старику, и представляет собой поразительный контраст ему.

Подобно Олуски, он тоже одет наполовину как индеец, наполовину как охотник. Но его одежда богаче украшена бусами и очень идет его молодости и красоте.

Кожа у него не медного цвета, как у индейцев, а оливкового – безошибочный признак того, что в его жилах течет кровь белого человека. Лицо мужчины отличается поразительной красотой. Оно имеет правильные черты, хорошо очерченные и восхитительно четкие. Глаза большие и сверкающие, а широкий лоб свидетельствует о наличии недюжинного ума. Как и у старика, у него на голове орлиные перья, а на теле пояс вампум; но вместо одеяла на плечи он набросил накидку из шкуры пятнистой рыси.

Первым заговорил Олуски.

– Вакора должен сегодня отправляться? – спросил он.

– Я покину тебя на закате, дядя, – ответил молодой индеец, – это был племянник вождя по имени Вакора.

– А когда Вакора вернется?

– Только после того, как вы переберетесь к заливу Тампа. У меня много дел. После смерти отца на меня легли большая ответственность, и я не могу пренебрегать своими обязанностями.

– Наше племя выступает через семь дней.

– А где Нелати? – спросил Вакора.

– Он ушел вместе с Красным Волком и должен скоро вернуться.

Олуски не подозревал о случившемся.

– Они отправились в охотничью экспедицию, и, если не смогут вернуться вовремя, пойдут прямо к заливу и будут там ждать нашего прихода.

– Вы по-прежнему разбиваете летний лагерь на холме? Я не был там с детства. Нехорошо, потому что там погребены наши предки.

– Да, это место дорого для всех семинолов.

– Но возле него поселок белых. Это твой дар им, дядя. Я помню.

Вакора говорил с интонацией, звучавшей почти насмешливо.

Старый вождь тепло ответил:

– Что ж, Олуски был в большом долгу у их вождя. И заплатил свой долг. Он наш друг.

– Друг? – с горькой улыбкой переспросил Вакора. – С каких это пор бледнолицые стали друзьями краснокожих?

– Ты по-прежнему несправедлив, Вакора! Ты не изменился. Глупость молодости должна уступить место мудрости зрелого возраста.

При этих словах взгляд Олуски прояснился. Сердце его переполняли благородные чувства.

– Я не верю белым людям и никогда им не поверю! – ответил молодой вождь. – Что они сделали нашему народу, чтобы мы им поверили? Посмотри на дела белого человека, а потом верь ему, если можешь. Где могауки, шауни, делавары и наррагансеты ²? Верен ли был белый человек слову, данному им?

– Не все белые одинаковы, – ответил старик. – Бледнолицый помог мне, когда я нуждался в помощи. Дела всегда важнее слов. Олуски не может быть неблагодарным.

– Что ж! Олуски доказал свою благодарность, – сказал Вакора. – Но пусть опасается тех, кого он отблагодарил.

Старый вождь ничего не ответил, он стоял, задумавшись.

Слова Вакоры разбудили мысли, дремавшие до той поры. И какое-то неведомое чувство овладело старым индейцем.

Недоверие заразительно.

Его племянник тоже, казалось, погрузился в размышления. По-прежнему лежа на земле, он срывал лепестки растущего поблизости цветка.

Наконец дядя возобновил разговор.

– Нам не в чем обвинять белого вождя или его людей. Наше племя ежегодно посещает это место – нас всегда приветливо встречают, не мешают, пока мы там живем, и не пристают, когда уходим. Нет, Вакора, эти белые люди не такие, как остальные.

– Дядя, все белые одинаковы. Они селятся на нашей земле. Когда им нужно место, индеец должен им уступить. Какая вера или какая дружба может существовать между нами, если мы не равны? Разве и сейчас семинолы не страдают от прихотей белых людей? Разве наши охотничьи земли не оскверняются их присутствием, разве не нападают белые на наши поселения из-за каких-то воображаемых обид? Твой друг – белый человек, и потому враг твоего народа.

Вакора говорил страстно.

Старость, а может, и привычка затуманили ощущения Олуски, он не замечал посягательств, о которых говорил Вакора.

К несчастью, история подтвердила слова младшего вождя. По всему Американскому континенту наступление цивилизации сопровождалось грубым пренебрежением правами и чувствами индейцев.

Договоры нарушались или превратно истолковывались, гонения с одной стороны вели к жестокой мести с другой.

Конечно, белые всегда побеждали. Племена могли сохранять свои земли только с молчаливого согласия завоевателей, а не по справедливости. Как только появлялась необходимость изгнать индейцев с их земель, тут же находился и предлог.

Найти его всегда легко, а дальше события развивались всюду одинаково.

---

² Могауки, шауни, делавары и наррагансеты – индейские племена, жившие на территории современных штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Оклахома и Род-Айленд соответственно.

Вначале оскорбления, унижения и подчеркнутое пренебрежение, потом все усиливающееся чувство взаимной вражды, затем открытое нападение, ведущее к кровопролитию, и, наконец, война, массовые убийства и исчезновение племен.

А начинались такие события обычно с легкой руки эгоистичных земельных спекулянтов.

Индейцы далеко не всегда вели себя как дикари.

Не менее часто справедливо обратное. В каждом народе есть люди образованные, быстро соображающие и с острым ощущением справедливости.

Вспомните о предводителях войн с племенами кри и чероки, шауни и делаваров. Подумайте о Текумсе. Не забывайте Логана ³.

Семинолы отличались умом, и среди них встречались и образованные люди. На их территории существовали школы; они успешно занимались сельским хозяйством и вели торговлю. Все это служило основанием для получения ими гражданства и давало на это моральное право.

Эти факты могут показаться странными, но это не делает их менее правдивыми.

И Олуски, и Вакора были умными и хорошо образованными людьми, и природный интеллект давал им превосходство над невежеством и предрассудками.

---

³ Текумсе – вождь индейцев племени шауни. Объединил многие племена для сопротивления колонизаторам. Впоследствии стал бригадным генералом в Канаде на службе у англичан. Логан —вождь индейцев племени минго. Вся его семья была вырезана поселенцами, и в ответ он начал войну.

Глава VIII. САНСУТА

Как мы сказали, в жилах Вакоры текла кровь белого человека.

Мать его была испанкой.

Результатом одной из несправедливостей испанской администрации стала война, которую отец Вакоры, как вождь племени, вел против белых, и в последней стычке, в которой он принимал участие, была захвачена в плен испанская девочка, дочь плантатора, который жил вблизи города Сан-Августин. Прошло несколько лет, прежде чем между воюющими был заключен мир. За это время девочка, которая была захвачена еще ребенком, совершенно забыла свою прежнюю жизнь. Она была предана вождю, пленившему ее. Кончилось тем, что она стала его женой и матерью Вакоры.

В истории ранних поселений было несколько таких случаев.

Хотя в жилах Вакоры текла кровь белого человека, душа у него была индейская, он любил народ своего отца, как будто был чистокровным его представителем.

Мысли его были полны мечтаний о великом будущем своего народа. Он мечтал о тех временах, когда индейцы займут высокое положение среди других народов на земле своих предков.

Душа у него была чистая, а сердце благородное.

Он был патриотом в самом лучшем смысле этого слова.

Но его рассудительность, не подводившая в других случаях, подвела его в отношении белой расы, просто потому, что он видел только худшие проявления характера белых, их алчность и эгоизм.

Если такое отношение, неизбежное при первом соприкосновении с цивилизацией, было характерно даже для него, насколько характерней оно должно было быть для невежественных людей его племени?

Ответ на этот вопрос предоставляем найти любителям казуистики.

Олуски ответил бы своему спутнику, но те же противоречивые мысли, которые пришли ему в голову, когда он услышал начало речи Вакоры, заставили его промолчать.

Вакора продолжал:

– Достаточно, дядя. Я не хотел тревожить тебя своими чувствами, хотел только предупредить об опасности, потому что все отношения с бледнолицыми связаны с опасностью. Они, как и мы, верны своим инстинктам, и эти инстинкты ослепляют их и не дают видеть, где справедливость. Твой друг, белый вождь, может быть таким, каким ты его считаешь. Если это так, то он восхитится твоей осторожностью, а не обвинит тебя в недоверчивости, потому что осторожность вполне естественна.

Олуски хотел ответить, но ему помешало появление третьего лица.

Вакора, увидев, кто приближается, в восхищении вскочил на ноги.

Подошла индейская девушка.

Легкими шагами приблизилась она к вождям. Вступив на освещенную солнцем поляну, она казалась естественной частицей прекрасной дикой природы, волшебной лесной феей.

Это была стройная девушка с красивой фигурой, с необычно маленькими ладонями и ступнями.

Одежда ее была сама простота, но она носила ее так грациозно, как будто это великолепный наряд светской дамы. Платье из ткани яркой окраски, скрепленное у горла серебряной брошью, спускалось до лодыжек, а вокруг талии был повязан многоцветный шарф. На плечах накидка, искусно украшенная раковинами. На голове отделанная бусами шапка с оторочкой из белого, как свежевывающий снег, меха. На запястьях браслеты из бус, а маленькие ноги обуты в расшитые мокасины.

Девушка с улыбкой подошла к Олуски и прижалась к старому вождю, который, несмотря на возраст и болезнь, распрямился рядом с ней.

Вакора, казалось, удивился появлению красавицы.

– Вы, наверное, не помните друг друга, – сказал Олуски. – Сансута, это твой двоюродный брат Вакора.

Сансута, ибо это была именно она, улыбнулась молодому индейцу.

Он не приближался к месту, где стояли отец с дочерью. Страстное красноречие покинуло его. Он не мог произнести простейшее приветствие.

Олуски, видя замешательство молодого индейца, пришел ему на помощь.

– Сансута была в гостях и только сейчас вернулась. Прошло много лет с тех пор, как ты ее видел, Вакора. Не ждал, что она вырастет такой высокой?

– И такой прекрасной! – закончил его фразу Вакора.

Сансута опустила глаза.

– Индейская девушка не должна слышать такую похвалу, – заметил Олуски, хотя при этом довольно улыбался. – Сансута такова, какой ее сделал Великий Дух, этого достаточно.

Девушка, казалось, не разделяла мнение отца. Она слегка надулась: комплимент был ей приятен.

Вакора снова потерял дар речи и как будто даже пожалел о своих словах.

Так красота побеждает храбрость.

– Что привело тебя сюда? – спросил отец. – Разве Сансута не знала, что мы советуемся с твоим двоюродным братом?

Красавица Сансута уже овладела собой. Она раскрыла губы, отвечая на вопрос отца, и обнажила при этом два ряда зубов ослепительной белизны.

– Сансута пришла пригласить вас на вечернюю еду, – сказала она.

Голос ее, мелодичный и мягкий, для слуха Вакоры прозвучал, как птичья песня.

Юноша был совершенно очарован.

Забыв о недавнем разговоре, забыв на время о своих мечтах и устремлениях, стоял он, как ребенок, восхищенно глядя на нее и слушая ее голос.

Заговорил Олуски.

– Идем, Вакора: нужно идти с ней.

Старый вождь пошел к лагерю, Сансута – рядом с ним.

Вакора шел следом, чувствуя что-то новое в сердце.

Это новое было – зарождающаяся любовь!

Глава IX. ИНДЕЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Неделю спустя плоская вершина холма, поднимающегося над поселком, совершенно переменялась. Она вся заполнилась деятельной жизнью.

Исчезли голые столбы, которые раньше здесь стояли, на их месте появились удобные индейские жилища – вигвамы. У дверей нескольких вигвамов стояли копы с вымпелами – это были дома вождей.

В центре площадки располагалось большое, искусно построенное сооружение, возвышавшееся над остальными. Это помещение для советов племени.

У входов в вигвамы видны были их жильцы, отдыхающие или занятые какой-нибудь домашней работой.

У одного из вигвамов большая группа индейцев восторженно слушала рассказ престарелого вождя.

Этим вождем был Олуски, а среди слушателей была его дочь Сансута.

Как обычно по вечерам, индейцы собрались перед его вигвамом, чтобы послушать рассказы о доблести и добродетели, о деяниях предков в дни первых испанских поселений.

Индейцы – замечательные слушатели; в своих естественных позах, наклонившись вперед, чтобы не пропустить ни одного слова рассказчика, они представляли из себя удивительную картину.

Почтенный вождь, умело рассчитывающий каждый жест, своей размеренной речью и модуляциями голоса привлекал их внимание не меньше, чем содержанием повествования.

Отдельные эпизоды его рассказа вызывали рыцарские чувства, ужас или жажду мести, и слушатели казались полностью покоренными. Они опускали глаза, содрогались, дико осматривались со сведенными бровями и стиснутыми кулаками.

Как люди, не оторванные от природы, индейцы легко поддаются печали или радости, они не настолько цивилизованны, чтобы скрывать свои чувства.

Олуски среди них, самый заметный из всех присутствующих, казался патриархом.

Время и место гармонировали с темой рассказа.

Но вот рассказ Олуски подошел к концу. Герой его достиг триумфа, несчастная девушка из племени семинолов спасена, и рассказ, который держал слушателей в напряжении больше часа, завершился радостным союзом влюбленных.

– А теперь, дети, расходитесь! Солнце заходит на западе, приближается час совета, и Олуски должен вас покинуть. Возвращайтесь утром, и Олуски расскажет вам еще что-нибудь из истории нашего племени.

Молодые люди по просьбе вождя встали, с многочисленными благодарностями и пожеланиями доброй ночи они приготовились уходить. Вместе с ними собралась и дочь вождя Сансута.

– Куда ты, дочка? – спросил ее отец.

– К ручью, скоро вернусь.

Сказав это, девушка отвернулась, словно избегала взгляда отца. Остальные уже разошлись.

– Что ж, – немного помолчав, сказал старик, – возвращайся побыстрее. Не надо, чтобы Сансута гуляла в темноте.

Она что-то ответила и отошла.

Олуски еще немного постоял, опираясь, на копы, которое торчало перед его жилищем. Глаза старика были полны слез, а руку он прижимал к сердцу.

«Бедная девочка, – думал он, глядя, как в сумерках тает фигурка его дочери, – она никогда не знала матери. Иногда мне кажется, что Олуски был плохим отцом для Сансуты. Но видит Великий Дух, я старался исполнить свой долг!»

Тяжело вздохнув, он смахнул с глаз слезы и направился к дому советов.

Глава X. ПОРУЧЕНИЕ, ВЫПОЛНЕННОЕ ПОСЫЛЬНЫМ

Последуем за Сансутой.

Убедившись, что отец не может ее видеть, девушка пошла быстрее, но не в сторону ручья, а к роще виргинских дубов, которая росла у подножия холма.

Приближаясь к роще, она постепенно шла все медленней и наконец остановилась.

Дрожь пробежала по ее телу. Очевидно, она не была уверена в себе.

Солнце скрылось за горизонтом, и темнота быстро затягивала окружающий ландшафт. Отдаленный гомон свидетельствовал о наличии на холме индейского поселка.

Сансута продолжала неподвижно стоять у рощи.

Вскоре послышался крик кукушки, потом он повторился, становился все ближе и громче. Не успел стихнуть последний, самый громкий крик, как девушка вздрогнула, как будто увидела привидение.

Оно возникло прямо перед ней, будто земля расступилась и выпустила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.